

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

УДК 616.89

*В. И. Литвиненко***ДЕСТРУКТИВНОЕ В ОБЩЕСТВЕННОМ БЕССОЗНАТЕЛЬНОМ И ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ СУБКУЛЬТУРЕ**

Управление здравоохранения Полтавского облисполкома

Устойчивые словосочетания и образные выражения, который вошли в наш язык в определенные периоды и часты в употреблении, являются отражением скрытых, неосознаваемых, но циркулирующих в обществе тенденций. По этим маркерам общественного бессознательного, которые являются результатом даже не сложения, а умножения индивидуальных бессознательных устремлений, можно судить о состоянии общества, что становится полезным при решении конкретных клинических проблем в практической деятельности психиатра. Психиатрическая субкультура, являясь частью общей культуры, имеет свои неосознаваемые тенденции, проявление которых необходимо для дальнейшего развития психиатрии.

Объектом внимания послужило часто употребляемое в последнее время выражение: «мне глубоко фиолетово». Говорится это обычно на высоте эмоции и обозначает, что говорящему что-то очень безразлично.

Прополем анализ этого выражения. Слово «глубоко» входит в другое, более раннее выражение: «глубоко в ...», что то же самое, - «глубоко в дерьме». Существовало выражение «глубоко безразлично» или «глубоко все равно», являющееся благозвучным вариантом выражения «глубоко в дерьме». Проводимая аналогия «дерьма» и безразличия отражает их некую общность. Так, «без-раз-личие» - это нечто, не имеющее своей особенности, безличное. Но ведь и пища теряет свою особенность после процесса переваривания и удаления из тела, превращаясь в деструктурированное и мертвое. Слово «глубоко», легализуя символическую связь этих выражений, несет эмоциональную нагрузку и подчеркивает степень отношения говорящего к чему-то и в то же время дает пространственную ориентацию. Анальная причастность этого выражения указывает на осознаваемую или не осознаваемую анальную фиксацию либидо у говорящего. Может быть потому, как бы символически реализуя потребность, часто и с явным удовольствием повторяется «мне глубоко фиолето-

во». Однако сексуальная сторона не кажется нам ведущей в этом выражении. Говорящий так подчеркивает свое «без-раз-лично» не только к чему-либо, но и к себе, т.к. «установки по отношению к другим и по отношению к себе не только не противоположны, но коренным образом взаимообусловлены» [6]. Эмоциональность ситуации и эмоция, с которой произносится «глубоко безразлично» полностью исключают эмоциональное безразличие, а только оттеняют эмоциональную затронутость говорящего ситуацией. Очевидно слово «безразлично» относится не к уровню затронутости эмоции, а к способу разрешения эмоциональных проблем. Так же, например, как психопат на высоте эмоции вскрывает себе вены, находя в этом эмоциональный выход и деструктивное решение накопившихся проблем.

Следует отметить разрушение смысловой структуры языка как социальной нормы. Разрушается не только смысловая сторона слов, но и словосочетаний. Например, вместо семантически правильного «категорически против» употребляется «категорически за». Или «будьте трижды любезны» произносится таким тоном, каким обычно произносится «будьте трижды прокляты». Такой способ разрешения эмоциональных проблем состоит в разрушении социальных норм, в разрушении собственных стереотипов, в разрушении чего-то в себе. Может быть, потому так часто в употреблении слово «крутой», что обозначает высокую оценку кого-то («крутой парень»). Но крутым привычнее называть поворот или спуск. Крутой поворот в судьбе или при быстрой езде, да и крутой спуск связаны с риском ломки сложившихся отношений и стереотипов, риском физического разрушения. Слово «крутой», таким образом, ориентирует и одобряет риск разрушения и отражает один из вариантов саморазрушающегося поведения.

Другим характерным примером может быть алкогольная субкультура, которая уже в течение многих десятилетий пронизывает общественное бессознательное. Это выражается в любовно

отражающих процесс пьянства ментальных клише «выпивончик», «до доньшка», «закусить ружавчиком», «слегка поддать» и др.). Ментальное клише «свой в доску», ориентируя на некое братство своих, имеет иной психологический контекст. Оно проистекает из изустного выражения «пьяным в доску», т.е. такой пьяный, что лежит безмолвный (без-молвный), как доска. Таким образом, выражение стать «своим в доску» ориентирует на вполне определенный стиль жизни. То же самое следует отнести и к выражению «устаканить вопрос», которое ориентирует на способ решения вопросов, что «всухую», «не подмазав» и решить уже нельзя. Масштабы явления таковы, что когда хотят подчеркнуть ум человека, говорят «трезво-мыслящий».

Возвратимся, однако, к анализируемому выражению «глубоко фиолетово». Фиолетовый цвет в этом выражении занимает место «без-различно». В коллективном бессознательном цвета являются маркерами различных явлений. Вспомним «голубые» или «розовые» пары, «коричневые» или «красно-коричневые» политические течения, партию «зеленых». Здесь цвет выступает символическим выражением личностных устремлений, социальных Роден и «составляет содержание нашего субъективного опыта» [9]. Э. Фромм [7] выделяет две тенденции или, как он называет, синдромы: роста и распада. Синдром распада состоит из трех слагаемых: инцест, нарциссизм и некрофилия (в понимании автора). Каждому из этих двух синдромов характерна своя цветовая гамма. Синдрому распада свойственны темные и поглощающие свет тона (черный, коричневый). Фиолетовый цвет вошел в моду несколько лет назад, когда появились куртки зеленого или желтого цвета с фиолетовыми отворотами. Далее фиолетовый цвет стал доминировать в одежде молодежи и определенной части населения, которая, сделав крутой поворот в своей жизни, занялась мелким бизнесом. Избыток спроса определил и избыток предложения оттенков фиолетового цвета. При этом у различных групп людей имеются свои предпочтения при выборе оттенков фиолетового цвета. Сельская молодежь имеет склонность к интенсивному, ядовито-фиолетовому цвету, что по нашим немногочисленным наблюдениям указывало на инцестуозные проблемы. У интеллигентных пациентов в одежде часто наблюдался утонченный (фиалковый или сиреневый цвет, как бы подчеркивающий внимательное и нежное отношение к своему облику, к себе (нарциссизм). К грязно-фиолетовому имеют склонность мелкие бизнесмены. Интересно, что еще З. Фрейд

утверждал о символической связи золота с нечистотами. Действительно, деньги являются как бы обезличенным эквивалентом материальных ценностей, т. е. разложенным, а потому обезценным и мертвым (некрофилия). Грязный оттенок фиолетового цвета в этом отношении усиливает понимание роли фиолетового цвета в этом выражении и моде. Фиолетовый цвет в этом контексте безусловно имеет отношение к синдрому распада. В общество идет процесс распада и обезценивания прежних фетишизированных смыслов и символов. В молодежной среде появляются «общества фиолетовых», а в среде школьников - группы «пофигистов». Как не вспомнить старое выражение «мне до лампочки», что отражало скрытое безразличие к идеологии. Ведь слово «лампочка» в официальной пропаганде находилось в тесной связи и буквально было впечатано в ментальное клише - «лампочка Ильича».

По Питириму Сорокину [5], любое психическое взаимодействие имеет две стороны: «... внутреннюю - чисто психическую; другую - внешнюю - символическую; первая для нас непосредственно не дана, а дана всегда лишь в виде символов». А каждый из психических процессов, возникающих между двумя или большим числом членов общения «... при своем переходе от одного субъекта к другим необходимо должен пройти через этап «овеществления» или символизации». Фиолетовый цвет, являясь символическим «носителем» или «проводником» определенных личностных характеристик человека и отражая его внутреннее содержание, в то же время, становится частью «материальной культуры общества», имеющей свое обратное действие на человека. П. Сорокин [5] так определяет действия носителей: «Носители кристаллизуют и стандартизируют, проясняют и формализуют, искажают и преобразуют значения, ценности и нормы, которые они объективируют и раскрывают».

Деструктивный тип реагирования распространяется в обществе и через контаминацию (психическое заражение) на уровне бессознательных механизмов. Риторика, ментальное клише, превращаясь в фетишизированный носитель, имеет свое обратное действие. Но, одновременно с заменой истинных смыслов на извращенные шел процесс их дефетишизации. Однако теми же механизмами разрушения. Таким образом, в обществе накоплен большой опыт разрушения при гораздо меньшем опыте поиска личностных смыслов существования и со-существования. Процесс формирования ментального клише и

его фетишизации неосознаваем реципиентами. О-со-знание ментального клише способствует дефетишизации его и развитию как отдельного человека, так и общества в целом.

В профессиональной деятельности психиатров, их ментальности также существует большое количество фетишизированных клише и мифов. [1, 2, 3]. Они оказывают постоянное влияние на лечебный процесс и на функционирование замкнутых социальных систем психиатрических учреждений, создающих свою субкультуру. Главной характеристикой таких субкультур является наличие своих правил и запретов, противоречащих порой не только здравому смыслу, но и закону. Характерно также о-без-личивание больных, выражающееся в патернализме и волюнтаризме при диагностике и лечении. Чего стоит, например, распространенное в психической субкультуре и безобидное на первый взгляд ментальное клише: «нельзя исключить шизофрению (или суицид)», «пока нет симптоматики шизофрении», «пока нельзя диагностировать шизофрению». Влияние существующей парадигмы на частоту диагностики шизофрении в связи с изменением менталитета психиатров при изменении правовых актов в психиатрии и демократических процессов в обществе показано нами [4] на статистическом материале. Изменения в общей культуре привели к уменьшению заболеваемости шизофренией (уменьшению количества случаев диагностики шизофрении) более чем в два раза. Только профессиональной дезадаптацией можно объяснить такое явление в психиатрической субкультуре, которое основывается на механизме психологической защиты - рационализации. Невозможность вылечить больного нейролептическими препаратами (в ущерб психо- и социотерапии, т. е. работе с личностью больного), применение все больших доз и все более новых препаратов, а также все более «активных» биологических методов приводит к профессиональной фрустрации. Вот тогда и приходит успокаивающий выход - диагностируется шизофрения, которая, как известно, не вылечивается или диагностируется дефект - конечное состояние, которое, как считается, и лечить уже не надо, а только проводить надзор на периферии отделения в так называемых «задних» палатах.

К деструктивным проявлениям в психиатрической среде относим и отчуждение от личности больного и, таким образом, о-без-личивание его за счет переориентации внимания врача на сам процесс лечения. Такой врач лечит «своей» методикой или «особым» препаратом. Вариан-

том этого может быть акцент на одной научной или паранаучной теории, которая имеет право на существование, но не в виде сверхценной идеи, фанатично распространяемой. Наличие этого свидетельствует о профессиональной дезадаптации. Фанатизм же Э. Фромм рассматривал как характерный признак группового нарциссизма [8]. Еще один вариант деструктивного поведения в психиатрии. Это патернализм. Возможность запрещать и руководить другим человеком, вести себя с ним свысока как с ребенком, укрепляет самоуважение и личность любого из персонала психиатрического учреждения. Это и есть психологической причиной патернализма в психиатрии. Но укрепление собственной личности не за счет личного развития, а за счет унижения другой личности, низведения ее до объекта воздействия приводит к противоположному результату - профессиональной деформации. Эта деформация отражена в обществе в виде множества анекдотов о психиатрах, лейтмотивом которых есть повышенная самооценка психиатром своей личности.

Безусловно, профессиональной деформации подвержены не все, а только те у кого имеются проблемы с развитием собственной личности. По нашим наблюдениям, чем ниже уровень профессионального развития, тем больше подвержен врач (и тем более средний и младший медицинский персонал) профессиональной деформации. Эти стереотипы поведения и понимания собственного веса в межличностных отношениях проявляются в директивном поведении, большом количестве советов и запретов, которые привычно навязываются даже в так называемой здоровой среде. Но в результате противодействия среды этим директивным влияниям, дезадаптация таких психиатров усиливается, и они вынуждены компенсировать ее за счет патерналистских отношений со своими больными. Поэтому не удивительно, что такая больничная среда не позволяет развиваться ослабленной болезнью и госпитализмом личности больных и делает невозможной их реабилитацию как процесс и, тем более, как цель. Может быть, потому так мало у нас больниц, где реабилитация занимает надлежащее ей место. А обезличивание больных достигло такого уровня, что в обществе врачей стали называть «инженерами человеческих тел», тем самым как бы подчеркивая, что врач лечит не больного, а нечто неодушевленное, деструктурированное или абстрактное: болезнь, орган.

По Э. Фромму [8], степень группового нарциссизма соответствует реальной неудовлетво-

ренности жизнью, т. е. если это касается профессиональной деятельности, то профессиональной дезадаптации. Но каждый психиатр имеет возможность пройти свой путь профессионального

и личностного развития, венцом которого может быть рас-по-знание скрытых смыслов коллективного бессознательного и осмысление (т.е. придать ей смысл) своей жизни в профессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков П. П. Эффекты тоталитарного сознания в норме и патологии. - В кн.: Актуальные вопросы психиатрической практики. Полтава, 1993, с. 4-5.

2. Гурвиц З. С. Обывательские комплексы психиатрического мышления (попытка анализа). - Независимый психиатрический журнал. 1991, М.: 1, с. 25-29.

3. Кабанов М. М. Социальная структура общества и некоторые проблемы психиатрии (К вопросу о злоупотреблениях психиатрией). - Обозр. психиат. и мед. психол., 1992, 1, с. 106-114.

4. Литвиненко В. И. Вплив правового чинника на діагностику шизофренії. - В кн.: На грани нормы и патологии. Стрелечье, 1994,

с. 84-85.

5. Сорокин Л. А. Человек. Цивилизация. Общество.; Перевод. - М.: Политиздат, 1992. - 543 с.

6. Фромм Э. Человек для себя: Перевод. - Минск: «Коллегиум», 1992. - 253 с.

7. Фромм Э. Душа человека: Перевод. - М.: Республика, 1992. - 430 с.

8. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности: Перевод. - М. Республика, 1994. - 447 с.

9. Юнг К. Г. Архетип и символ: Перевод. - М.: Ренессанс, 1991. - 304 с.

Поступила в редакцию 10.01.96